С. Джонсон Т. Дивайн
К. О'Нил
Внезапная страсть

Тия Дивайн
Властитель души и тела

OCR Roland
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158906
Внезапная страсть: АСТ; Москва; 2006
ISBN 5-17-039596-5

Аннотация

То, что началось как пикантная любовная игра, обращается в жгучую жажду.

Запретные встречи подхлестывают желание любовников – и постепенно навлекают на них смертельную опасность…

Смелые фантазии писательницы воплощаются в реальность – и таинственный соблазнитель заставляет ее пережить небывалый экстаз…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 24
Глава 3 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Тия Дивайн
Властитель души и тела

Глава 1

Лондон, 1810 год

Графу Уику было скучно.

Это был мужчина тридцати пяти лет, который, еще в юном возрасте унаследовав свой титул, все последующие годы проводил, наслаждаясь тем, что могли дать ему его положение в обществе и деньги. Он слыл человеком развратным, пресыщенным и неуправляемым. Благодаря деньгам его распутство всегда оставалось безнаказанным. Однако это только разжигало аппетиты графа и лишало его остатков чувства ответственности.

– И все-таки должно же быть что-нибудь настоящее, – в задумчивости произнес Эллингем в один из вечеров, когда вся честная компания вернулась в таверну Хитона, где продолжала веселиться, напиваясь до потери сознания. Уик слушал друзей с невообразимой скукой на лице.

«Я устал, безмерно утомлен», – думал граф. А изнуренным он чувствовал себя от бесконечного флирта, беспорядочных связей и соблазнов, женщин и вина, от необходимости хоть как-то соблюдать приличия, да и от слухов и спле-

тен, следующих за ним по пятам.

Граф был уверен, что в жизни должно быть нечто большее. И он бы обязательно узнал, что это такое, если бы не постоянные понукания его вдовствующей матушки, страстно желавшей женить сына и получить наследника.

Но что интересного могла предложить ему жизнь?

– Во все времена существовали девственницы, – задумчиво протянул Уик, поднеся бокал к неровно мерцающей свече, чтобы полюбоваться глубоким рубиновым цветом дорогого кларета.

«Даже это вино, помогающее забыть о жизненных невзгодах, на вкус хуже, чем на вид», – подумал он насмешливо. Все казалось лучше, чем было на самом деле, и графа неизменно ждало разочарование. Друзья считали, что Уик страдал от пресыщенности. Все чаще у него возникало лишь одно желание – лечь в постель и уснуть. Его яркие и увлекательные сны не шли ни в какое сравнение с унылой жизнью, от которой уже нечего было ждать.

Наиболее близкие друзья Уика, принадлежащие к сливкам общества, постоянно искали что-нибудь необычное, чтобы развеять тоску графа. Эта охота за новыми ощущениями, которые Уику не довелось еще испытать, стала любимым развлечением для свиты графа.

Надо было найти нечто такое, что не заставило бы Уика скучать. Например, девственницы. Исключая замужних непорочных женщин, как не преминул заметить Эллингем.

– Честные и неиспорченные, мой дорогой Уик. Воспитанные в благочестии и невинные, как горные цветы. Тронь такую девственницу – и ты погиб.

– Прямая дорога в супружескую постель и ад, – пробормотал Макс Боуэн.

– Ну уж нет, – прервал его Эллингем. – Давайте хотя бы подумаем об этом. В конце концов, мать Уика мечтает найти хоть какую-нибудь, пусть не строгих нравов, женщину, которая согласилась бы родить ему наследника, и готова закрыть глаза на все остальное.

– Такого добра у меня было предостаточно, – холодно заметил Уик.

– В том-то и дело, – с энтузиазмом продолжил Эллингем. – В твоей постели перебывало великое множество самых разнообразных, но доступных женщин. Другое дело – поймать в сети порядочную девушку, которую можно представить твоей матери. Да, дорогой Уик, я говорю о девственницах, воспитанных в монастыре. О тех серых мышках, которых никто не замечает на брачной ярмарке и чьи матери готовы пойти на убийство, лишь бы выдать дочерей замуж за графа. Интересно, как далеко зайдет девственница, если у нее появится реальная возможность выйти замуж за тебя, Уик. Непостижимого. Недостижимого. За самого испорченного, распущенного, но всегда желанного в любом доме графа Уика… который постоянно заявлял, что никогда не женится, а тут вдруг решил найти себе девушку, которую смог бы вытер-

петь, переспать с ней и получить наследника. Чем ради этого брака могла бы пожертвовать невинная девушка с незапятнанной репутацией?

– Подумайте, джентльмены, какие откроются перед ней возможности: она получит деньги, положение в обществе, титул. Неисчерпаемая роскошь и всевозможные развлечения, как только она родит наследника… а взамен потребуется лишь незначительная, маленькая часть тела, которой женщины с незапамятных времен охотно жертвуют ради ночи наслаждения.

– Разве не согласится благовоспитанная английская девица сделать то же самое? Если в награду ей будет обещан золотой телец? Может ли устоять перед таким искушением хоть одна женщина? Да они все будут срывать с петель твои двери. Боже, как будет весело. Понимаешь? Все эти утонченные, нетронутые девственницы, с готовностью предлагающие себя ради твоего удовольствия? Уик! Это же абсолютно аморально! Ты должен это сделать. Просто обязан! Новые молодые тела… У меня даже слюнки начинают течь при одной мысли о них.

– Мой дорогой Эллингем, – прервал его мягко Уик. – Ты не слишком увлекайся своей затеей, ведь главную роль в этом спектакле буду играть я.

Эллингем лишь отмахнулся от замечания графа.

– Сказочный золотой телец? С этим нет никаких проблем. Разве не стали мы свидетелями твоего потрясающего мастер-

ства, когда две недели назад ты ублажил подряд десять красоток, и тебе не понадобилась даже передышка. Потрясающее зрелище. Но то, что я предлагаю, – отличается в корне от всего, что ты делал раньше. Это эксперимент. Мы соблазним этих лицемерных хищниц, которые скрываются за невинностью, благонравием и незапятнанной репутацией, предложив им все, чего они ни пожелают. Включая самого Уика, потому что такое серьезное моральное падение требует большой награды. Ваша достопочтенная матушка полюбит этого падшего ангела, который к тому времени подарит ей наследника. Таким образом, обе дамы будут заняты воспитанием малыша, в то время как ты, Уик, продолжишь свои похождения. Граф зевнул.

– А чем эта история должна заинтересовать меня?

– Но как же, мой друг. Это же вызов! Ты не представляешь, сколько шлюх скрывается под покровом целомудрия и неприступности. Мы не будем посвящать в нашу игру высший свет и заставим дам держать все в тайне. Потому что ни одна из них не захочет признаться в том, что всемогущий Уик не попался в ее сети. Мы найдем для тебя пять невинных, как подснежники, красавиц. Пять богинь, мечтающих выйти замуж за графа и готовых выполнить любой твой каприз, только бы получить титул. Тебе останется лишь дать волю своим фантазиям. И как многие знают не понаслышке, они у тебя весьма изощренные.

– А мы тем временем с удовольствием будем наблюдать

за интересными метаморфозами невинности. Джентльмены, это настоящее спортивное соревнование, в котором мы будем делать ставки, как только выберем участниц.

– В лучшем случае это развлечет нас на несколько дней, – пробормотал Уик, однако от одной только мысли о предстоящей игре пенис графа ожил, готовый вонзиться в любую подходящую цель. Уик поймал официантку, наполнявшую кубки вином, и усадил ее к себе на колени. Официантки в этом заведении отличались особой сговорчивостью: они не носили нижнего белья и за щедрое вознаграждение с готовностью отдавались посетителям.

Граф мгновенно вошел в услужливо подставленное лоно и тотчас же почувствовал, как с выбросом спермы напряжение отпускает его. Минутное удовольствие разочаровало графа. А чего, собственно, он ожидал? Уик сунул пачку банкнот за корсет женщины и оттолкнул ее от себя.

«Жизнь способна подарить лишь мимолетное наслаждение», – подумал граф, подняв бокал и чокнувшись с Эллингемом. Однако его тело жаждало подобных удовольствий. А после того как он соблазнил немыслимое число куртизанок, затея с совращением нетронутой девственницы показалась ему особенно привлекательной. К тому же в этой истории он кое-что еще и приобретал, что было абсолютным исключением из правил. От этой мысли настроение графа заметно улучшилось: в конце эксперимента, как выразился Эллингем, он получит наследника, а матушка с ее бесконечными

нотациями наконец-то оставит его в покое.

Дженис Троубридж влетела в свой лондонский дом, переполненная таким бешенством, что с трудом могла говорить.

– Чудовище, негодяй. Мерзавец! – Девушка скинула с себя плащ и бросила его на софу в надежде схватить что-нибудь потяжелее, чтобы излить свою ярость.

Вдруг, похолодев, она застыла на месте.

На софе возле эркера, поджав под себя колени, сидела Джулия. Забившись, по своему обыкновению, в самый дальний угол, она безучастно смотрела в окно, выходящее на улицу. Платье окутывало ее, словно облако, и делало ее изящную фигурку еще более эфемерной. Горестное выражение на осунувшемся личике сестры заставило Дженис резко оборвать тираду.

Проклятие. Она думала, что была одна. Однако в комнате находилась Джулия – очередная жертва этого чудовища, брошенная им как ненужная игрушка. Теперь она безмолвно сидела и ждала, когда он вновь призовет ее к себе.

И все-таки этот мерзавец решил жениться.

Как она скажет об этом Джулии?

– Дела настолько плохи? – спросила Джулия своим чарующе нежным голосом.

– Что может быть хуже того, что произошло?

Дженис медленно прошла в комнату. Именно сейчас она смогла наконец оценить любимое место сестры в доме. Эта небольшая, уютная комнатка, расположенная рядом с при-

хожей, как нельзя лучше подходила для задушевных бесед.

Из-за стен, покрытых небесной краской, и атласной обивки мебели того же цвета любимый в семье уголок называли голубой комнатой. Она располагала к отдыху и откровенным разговорам, и проклятия, недостойные благовоспитанной девицы, также, впрочем, как и швыряние тяжелыми предметами, казались здесь совершенно неуместными.

Голубая комната безраздельно принадлежала Джулии. Это был ее дом, ее убежище, единственное место, где она чувствовала себя спокойно и в полной безопасности. Когда дверь в эту комнату была закрыта, все в семье знали, что туда лучше не входить и не нарушать уединения девушки, которая вновь переживала свою трагедию, когда граф Уик безжалостно бросил ее.

Тупое животное, подумала Дженис, пододвинув стул к софе, на которой сидела ее красавица сестра. Как он мог не жениться на такой нежной, любящей и прекрасной девушке? На ее младшей сестре, которая еще не успела узнать, что в мире существуют лжецы и сластолюбцы и что люди не всегда сдерживают данные ими обещания. Как он мог так бессердечно растоптать этот прекрасный цветок и даже не задуматься о ее чувствах, ее беззащитности и, наконец, ее жизни?

Однако скорее всего он сразу забыл о ней. Графу Уику приписывали множество побед над женскими сердцами. Но ему показалось этого мало. После того как лишь за один год

он разбил сердца большинству богатых и знатных девиц, которые делали свои первые шаги на ярмарке невест, граф решил поиграть в более изощренные игры.

Однако в скором времени этот мерзавец понял, что семейные узы и брачные кандалы не для него. Слава Богу, произошло это довольно быстро. Но к сожалению, не настолько, чтобы пощадить Джулию. Она так и не оправилась после этого удара.

И вот теперь ужасная новость для ее несчастной сестры: граф Уик все-таки решил жениться, но только не на одной из тех распутниц, с которыми развлекался последние четыре года.

О нет, даже всемогущий король разврата предпочел увидеть в качестве своей жены девственницу, невинную и чистую, как белая лилия. Будь прокляты эти мужчины! Пропади пропадом этот мерзавец, бросивший Джулию и отказавшийся от того, о чем мужчина со вкусом и должным воспитанием могтолько мечтать! А ведь граф покорил ее сердце четыре года назад. Он мог жениться на Джулии, обзавестись детьми и стать уважаемым, достойным человеком.

Ха! Только не Уик, во всяком случае, тогда. Единственное, что его по-настоящему интересовало, – это быстрота, с которой его жертва готова была раздвинуть ноги. По крайней мере если верить ходившим о нем сплетням. И теперь граф возжелал найти себе спутницу жизни. И не простую, а самую красивую, чистую и невинную из всех существующих

девственниц.

Хотелось бы знать, что за этим всем стоит, подумала Дженис, ободряюще взяв руку сестры в свою.

Интересно, есть ли в Лондоне хоть одна мать, которая не решила бы, что именно ее дочь подходит под это определение. И не думает ли их собственная мать, что судьба подарила Джулии второй шанс?

Ну уж нет! Если это произойдет, Дженис пожертвует всем: своим телом, своей девственностью, лишь бы это чудовище не только не дотронулось, но даже не посмотрело в сторону ее сестры.

– Дженис? Что случилось? С чего это ты вздумала швыряться вещами? – Нежный голосок Джулии трепетал, словно крылышки бабочки. Это животное просто уничтожило ее, убило в ней радость и веру в людей.

Она не должна сообщать эту новость Джулии. И в то же время так или иначе сестра все равно узнает о ней от подружки или от матери, которая, как иногда казалось Дженис, в душе винила Джулию в расстроенной помолвке.

А вообще-то заходила ли речь о настоящей помолвке? Джулия так считала, хотя о ней и не объявляли официально. Граф должен об этом сообщить своей семье, матери, друзьям, говорила она. Для Уика это было явно непростым делом.

Да, конечно, очень непростым. Настолько трудным, что ради того, чтобы добиться своей цели, он обещал жениться.

Еще тогда.

Сейчас же ему и этого не требовалось. Казалось, что любая женщина в Лондоне, не слишком обремененная соображениями морали, готова отдаться этому мерзавцу, не требуя от него ничего взамен.

Однако с того времени что-то изменилось, вдруг подумала Дженис, глядя на сестру и пытаясь придумать, как сообщить ей эту новость, не ввергнув в еще более глубокую депрессию.

На этот раз все было по-другому. По какой-то причине на кон был поставлен реальный брак, и граф действительно собирался жениться. Он бы не ставил в известность о своем намерении высшее общество, если бы это было не так.

Великий Боже! Можно представить, к чему это все приведет. Каждая порядочная девушка, чей род восходит чуть ли не к каменному веку, может стать объектом пристального внимания графа.

Ужас, охвативший Дженис при этой мысли, очевидно, отразился на ее лице, потому что Джулия, сжав руку сестры, с тревогой повторила свой вопрос:

– Что же так вывело тебя из себя, что ты не можешь даже сказать об этом?

«Одно событие, о котором ты скорее всего и слышать не захочешь», – медлила с ответом Дженис.

– Ну пожалуйста, сестричка, после того как я услышала самое ужасное, что могут вынести уши женщины, мне уже

ничто не страшно.

Да, – и это было еще одно, что Джулия не могла простить Уику, – отныне все в жизни ее сестры было неразрывно связано с тем днем, когда граф отверг ее.

И от этого новость, которую должна была сообщить Дженис, становилась еще тяжелее.

Но сказать об этом Джулии было необходимо, иначе вестником станет другой человек, возможно, злой и жестокий. Кто-нибудь, кто захочет причинить Джулии боль и заставить ее страдать. Даже их родная мать.

Но Дженис никак не могла подобрать подходящие слова, хотя и знала, что через несколько минут ее мучения закончатся. Ибо уже по тому, как напряжено ее лицо, Джулия сразу догадается, о ком пойдет речь.

И действительно, через несколько минут ее сестра понимающе произнесла:

– Ты опять об этом…

– Да.

– Очередные сплетни?

Мягко сказано, подумала Дженис.

– Этот мерзавец в своем желании соблазнить и уничтожить чуть ли не каждую женщину в Англии придумал новую забаву, – осторожно продолжила она.

– Что ты имеешь в виду? Разве эта игра ему еще не наскучила?

Это было что-то новое. Может быть, сердце Джулии на-

чало понемногу заживать и она наконец-то увидела все в истинном свете? Однако нельзя было на это слишком надеяться. Джулия должна услышать новость от нее, другого выбора не было.

– Но он еще никогда публично не объявлял о своем намерении жениться, – с отчаян ием проговорила Дженис.

– Что? – Джулия побледнела как смерть и, готовая лишиться чувств, посмотрела на сестру так, словно та была исчадием ада.

– Не надо! Не смей падать в обморок!

– Как ты могла? – простонала Джулия, вырвав свою руку из ладони сестры и без сил откинувшись на подушки. – Услышать от тебя такое…

– А от кого же еще? – резко спросила Дженис. – Кто еще, как не я, сообщит тебе эту новость без злорадства и желания причинить тебе боль? Ты все равно узнала бы об этом очень скоро. До меня это известие дошло спустя несколько часов, после того как Уик официально заявил о своем новом и срочном намерении. Уже в течение этого дня ты услышала бы все, и скорее всего от человека, которому дела нет до твоих чувств и переживаний. Как ты могла даже подумать о том, что я хочу причинить тебе боль?

Джулия нервно сглотнула, пытаясь взять себя в руки.

– Я даже представить себе не могу, что произойдет с той несчастной, которой удастся привлечь его внимание. Уже через месяц она окажется прикованной к постели от полного

нервного и физического истощения.

– Да, но она должна родить ему наследника… – задумчиво произнесла Дженис и внезапно замолчала.

Вот что изменилось. Даже гедонисты стареют и со временем теряют силу. А он последний в своем роду. Можно только представить, под каким давлением оказался граф, чтобы после стольких бастардов, разбросанных по всей стране, он решил родить законного ребенка. Да… тогда все встает на свои места – женитьба, девственница… Какой бессовестный мерзавец!

– Как мне жаль ту девочку, – тихо произнесла Джулия, – на которую падет выбор графа, особенно когда их отношения подойдут к тому моменту… – Не договорив, Джулия закрыла лицо руками и заплакала. – Боже, как пережить эту страшную новость, после того что он сделал со мной? Я никогда не должна была приходить…

– Но дорогая, тогда просто пришло время, – попыталась успокоить ее Дженис. – Пришло время выйти на свет Божий из своего склепа и встретить человека, который оценил бы тебя по достоинству и по-настоящему полюбил.

– И вот я здесь, сижу и тоскую по мужчине, с которым никогда не буду вместе. А после этого известия мне остается только…

– Никогда так не говори и не смей даже думать об этом… – прервала ее с жаром сестра. – О Господи, если бы я только могла стереть из твоей памяти весь этот кошмар, если б я

могла найти того единственного, идеального мужчину, который заставил бы тебя забыть про это чудовище!

– Его невозможно забыть… – простонала Джулия. – Никогда. Ни слова, которые он говорил, ни его обещания, ни того, что он сделал. Я не скажу об этом ни слова, но и никогда не забуду…

У Дженис все похолодело внутри. То, что он сделал?.. И Джулию тоже? Ко всему прочему он ее еще и совратил?

Да она просто убьет этого человека. Она растопчет его, сдерет с него кожу, оторвет голову, отрежет его мужское достоинство и повесит на самом высоком дереве! Господи, должен же существовать какой-нибудь способ отомстить этому человеку, абсолютно лишенному всякой морали…

Надо найти этот способ во что бы то ни стало – она не могла видеть сестру и знать, что не в силах ей помочь. Джулия мучительно страдала. Доверчивая по натуре, она все принимала слишком близко к сердцу. И граф не задумываясь этим воспользовался. А когда Джулия ему наскучила, хладнокровно бросил ее.

Кто-то должен преподнести ему урок – разбить сердце графа, обмануть его доверие, а затем бросить.

А смогла бы она это сделать?.. Но каким образом? И как отнесется к этому Джулия?

– Мы уедем в усадьбу, – в отчаянии проговорила Дженис. Она не знала, как еще можно помочь сестре. – Возьмем самое необходимое и отправимся туда как можно скорее. Толь-

ко ты и я. Мама с папой останутся в городе, а мы спокойно поживем какое-то время в Ванфорде. И ты будешь далека от всей этой истории.

– Если бы можно было все так легко забыть…

– Но ты должна. Джулия, прошло уже четыре года. И все это время его чары не отпускают тебя…

– Неужели прошло столько лет! А мне кажется, что это случилось совсем недавно.

– Не говори так. Сестричка, ты должна вычеркнуть из памяти любое воспоминание об этом мерзавце.

– А ты бы смогла? – мрачно спросила Джулия.

– Надеюсь, – осторожно ответила Дженис. – Но я никогда не любила так сильно, чтобы это имело хоть какое-то значение. О большинстве моих поклонников можно с легкостью забыть.

– Он способен соблазнить даже тебя. Такова сила его обаяния.

Дженис так не думала, однако в словах Джулии ей почудилось что-то похожее на дурное предзнаменование, даже вызов, и она не долго думая ответила:

– Тогда, может, мне следует попытать счастья среди тех претенденток, которые готовы разделить с графом новый этап его жизни.

– Дорогая моя, дорогая…

Дженис замерла.

Голос принадлежал матери, которая, внезапно появив-

шись в дверях, заторопилась к дочерям.

– Ну разве это не удивительно? Я как раз размышляла о том же! Как хорошо мы понимаем друг друга. Вы обе обладаете всеми необходимыми качествами, однако ваши характеры отличаются, как день и ночь. И то, чего не удалось добиться мягкой и нежной Джулии, сможет сделать ее более агрессивная и задиристая сестра.

Джулия поглубже зарылась в подушки, когда их мать опустилась на другой конец дивана.

– Я все это время пыталась объяснить твоей сестре, что для такого человека, как граф Уик…

– Такого чудовища, как граф Уик, – со злостью перебила ее Дженис.

Мать девушек с недоумением приподняла брови.

– Ты не должна так думать, если твои намерения в отношении графа даже наполовину серьезны. Но ты же так не думаешь, не правда ли?

– Я не знаю. – И Дженис действительно не знала, как относиться ко всей этой истории.

Но одно она сознавала совершенно ясно – жажда мести не отпускала ее, и здесь ей представлялся прекрасный шанс отомстить за сестру. Но их мать не должна ничего об этом знать. Так же как и Джулия. Во всяком случае, до тех пор, пока сама она не поймет, насколько сильно могут расстроить Джулию ее намерения.

– Я много раз пыталась объяснить Джулии, что такому

мужчине, как Уик, нужна своевольная и независимая женщина, которая бы ни в чем ему не уступала. Ас девушками вроде Джулии, с их мягким характером, ему очень легко стать грубым и деспотичным. Он бы все время подавлял ее. А потом ее красота и молодость увянут и… – Быстро взглянув на младшую дочь, она решила не заканчивать свою мысль. – Что касается меня, то я искренне благодарна графу Уику за его мудрое решение не подвергать Джулию подобному испытанию и отказаться от брака с ней, пока все не зашло слишком далеко. Но я не могу убедить твою сестру в том, что он поступил так из деликатности и из лучших побуждений, а главное, в том, что их союз стал бы настоящей катастрофой и принес обоим одни несчастья.

– Чудовище и… деликатность? Мама, имя этого человека и твои слова о нем – вещи несовместимые! Он настоящее животное, которое рыщет вокруг до тех пор, пока не учует самку, готовую пасть к его ногам. И что происходит потом? Он просто использует ее, получает свой кусок плоти, а затем бросает, устремляясь к новой жертве. А ты говоришь о тонкости чувств! Да он отвратительная скотина…

– О нет, ты не права, – с неожиданной силой воскликнула Джулия. – В нем совсем нет животной страсти, может быть, только в конце… – Ее голос оборвался. – Но Уикни когда не был грубым, даже тогда… он просто… ушел…

– О Господи, – с отвращением произнесла Дженис. – Я умываю руки. Пусть Джулия продолжает оплакивать это чу-

довище, а он – совращать других глупых гусынь, не знающих, что такое осторожность.

Дженис поднялась, однако практичная мать задержала ее.

– Граф в любом случае женится, – сказала она. – И одна из этих глупых гусынь, как ты изволила выразиться, станет его женой и разделит с ним его состояние. Почему бы тебе не стать ею?

Дженис охватил ужас. Неужели ее мать думала об этом всерьез?

Не важно, что она сама недавно подумывала о том же. Однако ее желание наброситься с кулаками на этого мерзавца весьма отличалось от практицизма матери, которая видела для них шанс даже в самом неподходящем варианте, предпочитая не замечать плохое. Несмотря на все произошедшее с Джулией и на скандальную репутацию графа…

Дженис отвернулась – ее мать просто ничего не знала: ни о непристойных слухах и сплетнях, ни о степени развращенности и гедонизма, до которой этот монстр докатился еще до его несостоявшейся помолвки с Джулией.

И сейчас она, конечно, даже представить себе не могла всю глубину его порочности, которая стала основной темой для пересудов, обсуждаемой исключительно шепотом, да и то в основном девушками на выданье, их перепуганными мамашами да негодующими вдовами, которые приходили в ужас от легендарных похождений графа. Безусловно, их мать даже не подозревала ничего подобного, иначе бы она не счи-

тала Дженис подходящей кандидатурой в спутницы графу.

Но потом Дженис вдруг ясно осознала, что никакие пороки графа никогда не затмят одной простой вещи, столь дорогой для материнского сердца: раз уж мужчина намерен жениться, обладает годовым доходом в пятьдесят тысяч фунтов и способен оплатить епитимью карманными деньгами, все остальные его качества уже не имели никакого значения.

Пороки Уика не смущали мать девушек, ибо, по ее мнению, мужчина всегда останется мужчиной, а женщинам вечно приходится расплачиваться за это.

Дженис взглянула на младшую сестру, которая, сжавшись в комочек, лежала на кушетке и пыталась скрыть слезы.

Но только не в этот раз. Вот если бы Джулия тоже дала ей свое молчаливое согласие… О, тогда бы она могла строить свои планы, чтобы отомстить за ее поруганную честь. И тогда Уику пришлось бы заплатить за все.

Глава 2

Однако одно дело мечтать о мести вообще и совсем другое – обдумывать конкретные шаги по воплощению своего плана в жизнь. Жеманные девственницы были не по части Уика. И никто из друзей Дженис, сплетничающих напропалую о скандальной новости, не видел графа в обществе какой-нибудь худосочной бледной Венеры, не обладающей ни умом, ни стилем, ни светскостью.

Или же он просто в очередной раз закинул удочку?

Что-то здесь было не так, решила Дженис, расположившись за столом во время ужина, вслед за которым шла традиционная игра в карты. Все разговоры на любых светских мероприятиях крутились исключительно вокруг личности графа, что было неудивительно, учитывая неожиданную смену его матримониальных взглядов.

Сам Уик хранил молчание. Слухи и предположения возникали исключительно из слов, случайно оброненных графом в кругу друзей, которые потом передавали их своим друзьям, и так до тех пор, пока новость не распространялась, как пожар.

Но никто не отваживался расспрашивать самого Уика. А он тем временем вел обычную светскую жизнь, посещая балы и приемы, где с холодным презрением на лице разглядывал в лорнет молодых девушек, словно те были стадом овец,

предназначенных для заклания.

– Господи, давненько мы так не веселились! – как-то поздно вечером воскликнул Эллингем, когда вся компания во главе с графом вернулась в Хитон с ежегодного маскарада в Гледни. – Все только и делали, что сплетничали о графе да ходили вокруг него кругами, а спросить в открытую или осудить не решались… Мой дорогой друг, в коммерции тебе не было бы равных – твое имя у всех на устах!

– И ни одной пары уст для поцелуев на многие лье отсюда, – насмешливо заметил граф. – Мне не по душе план, по которому я должен воздерживаться, пока не будут отобраны мои весталки.

– Мы сужаем поиск, – подал голос Макс Боуэн. – В этом году слишком много аппетитных молодых девушек, подходящих для нашей цели. Поэтому мы составили список достоинств под названием «Уиковские»…

– Продолжай, – неторопливо произнес граф. – Уиковские? Достоинства? В неопытной девушке? Я ценю только одно достоинство в женщинах – их готовность раздвинуть ноги без лишних проволочек, ухаживаний, уговоров и прочей чепухи. Однако продолжай, может, твоя идея и позабавит меня.

– Хорошо. Моя мысль заключается в следующем, – продолжил Макс. – Ты их всех видел, и даже мы готовы с тобой согласиться в том, что девушки мало чем отличаются друг от друга. Они все очень похожи – слишком застенчи-

вы и тихи, чересчур бледны, одеваются неброско, постоянно хихикают, не умеют поддержать разговор. Конечно, в нашем списке претенденток мы специально не концентрировались на этих качествах, но тем не менее пришли к выводу, что выделить какого-нибудь из них отдельно невозможно. И мы еще не нашли тех трех, которые бы отвечали параметрам нашего эксперимента. И потому…

– Да, и потому мы переходим ко второму раунду, – перехватил инициативу Эллингем. – И составляем новый список. – Он вынул листок бумаги и помахал им перед Уиком. – Для того чтобы самым тщательным образом отобрать трех лучших во всем Лондоне девственниц, которые, возможно, смогли бы оценить всю выгоду предстоящей сделки. Но для этого им необходимо обладать следующими качествами: они должны быть немыслимо красивы, доступны и, что облегчило бы нашу задачу, достаточно игривы – от кокетки очень легко добиться поцелуя. В общем, желательно, чтобы до нее можно было дотронуться без обычных в таких случаях девичьих глупостей вроде стыдливого румянца, отказов и прочей чепухи. И если сразу после этого ты попадешь к ней в будуар, в твоем распоряжении окажется послушная, легко обучаемая прелестница, готовая встретиться с твоим дружком.

– И кто будет испытывать всех этих неопытных красавиц? – лениво поинтересовался граф.

– Как это кто, мы все. – В голосе Эллингема прозвучало негодование. – Ты же не думал, что мы бросим тебя в таком

трудном деле? Мы ощупаем и обласкаем для тебя всех девственниц и выберем самую подходящую для нашего великого эксперимента. Помни, что под личиной скромности в каждой из них скрывается шлюха. Просто нужно позволить ей выйти наружу. Дай нам немного времени – и мы отберем для тебя девушек высшего качества. И потом, мой дорогой Уик, они будут полностью в твоем распоряжении… а мы с удовольствием насладимся представлением. Клянусь, я уже весь загорелся при мысли, что ты первым их оприходуешь.

– Одни обещания, а тем временем я чувствую себя настоящим монахом. Воздержание не мой стиль. Это утомляет.

– Побереги свое семя, мой мальчик. А потом излей его в девственную дырку во имя королевы, страны и предполагаемого наследника. А вообще, друзья, в воздержании что-то есть.

– Несогласен, – с раздражением перебил его граф. – Мне скучно. А мой друг изнывает от бездействия. Так что этому укротителю стада девственниц не мешало бы в скором времени оказаться внутри одной из них. И побыстрее!

Слухи росли и множились, как снежный ком. Уик искал себе невесту. Уик никого себе не искал. Поиски вели его друзья. Мать графа давила на сына. Состояние Уика оказалось не таким уж солидным. Графу требовался наследник. Уик искал самую невинную из всех девственниц. Он вообще никого не искал. Вся затея графа была не более чем еще один обман с его стороны, а сам Уик пребывал в очередном при-

тоне, предаваясь, по своему обыкновению, разврату.

Уик, Уик, Уик – он желал заполучить девственницу. Нет. Он искал опытную, здоровую женщину, способную родить ребенка. Нет, требовалась непорочная девица. Приданое не имело значения. Важны были хорошие манеры и знатное происхождение. А также ходили слухи о некоем соглашении, подписав которое, претендентка после рождения наследника должна была отказаться от дальнейших притязаний на графа.

Размер вознаграждения, которое Уик готов был заплатить одной из счастливиц, вырос до астрономических размеров. Тысячи фунтов за то, чтобы девственница один раз раздвинула ноги и родила наследника. Мать графа охвачена отчаянием. Сам граф – тоже. Годы берут свое, он стареет, и, как говорится, пришло время навести порядок в делах.

А что же сам Уик? В своем городском особняке на улице Св. апостола Иакова граф наслаждался поднятой им шумихой, находя затею весьма забавной. Однако по мере приближения кульминационной встречи с тремя девицами, готовыми пожертвовать своей невинностью и родить ему сына, графа все больше охватывали сомнения.

В этой затее Уику нравилось абсолютно все, за исключением одного небольшого «но» – в конце эксперимента он получал на руки дитя, которое могло в будущем оказаться его точной копией, несмотря на облагораживающее влияние бабушки-графини и непорочную чистоту ее будущей невестки.

Когда все получится, надо будет отослать их подальше с глаз долой. Через неделю он о них уже забудет. А его вдовствующая мать, царящая в их имении в Хоулкоме, получит в свое распоряжение невестку и внука. Это самое меньшее, что он мог сделать для нее.

Ачто касается воздержания, Уику пришлось признать, что в определенной степени аскетизм действительно доставлял удовольствие. Одна только мысль, что в любую минуту он спокойно мог вызвать одну из служанок и переспать с ней, но предпочитал не делать этого, волновала кровь. Приятно было сдерживать свои желания, зная, что в скором времени он сможет сполна насладиться девственной плотью самой лучшей из трех претенденток, готовых принести ему любую жертву.

От этой мысли тело графа пронзило острое желание. Занятие любовью, по мнению Уика, было единственным стоящим делом в жизни. И даже здесь приходилось сталкиваться со многими ограничениями… поиск партнерши, быстрое течение времени и как результат – старость и мужская немощь.

Однако, несмотря на все сложности, это хлопотное занятие стоило тех сил и денег, которые Уик регулярно тратил на него. Нужды его пениса не давали ему покоя. Воспаленное воображение графа рисовало картины, одну заманчивее другой: невинная девушка познает радости плоти; ее обожающий взгляд, неопытные руки, ласкающие тело Уика, невинная гурия, жаждущая его семени, его ребенка… Все это бы-

ло внове для графа, привыкшего к холодным, самовлюбленным и опытным красавицам. И ни одна из них не стоила и минуты проведенного с ней времени.

Внезапно Уик очнулся от сладких грез. Им нужны только его деньги.

Эта мысль вернула графа на землю.

– Ты опять думаешь негативно, – одернул его Эллингем.

– И как далеко мы продвинулись? – поинтересовался граф с обманчивой мягкостью в голосе.

– О, мы прекрасно проводим время в поисках идеальной девственницы, – весело заверил его Эллингем. – Ноне волнуйся, дорогой Уик, уже совсем скоро пред твоим взором предстанет целомудренная красавица, с которой ты сможешь претворить в жизнь все свои фантазии.

В Лондоне, казалось, не осталось ни одного места, где бы не сплетничали о графе. От торговых лавок до городских библиотек – везде обсуждали будущую женитьбу Уика.

Дженис с трудом сдерживала раздражение.

– И как это ему удается? – с возмущением воскликнула она во время утренней прогулки с матерью. – Женитьба этого монстра – главная тема всех разговоров. От них некуда скрыться! Как будто мало ему сплетен. Я все бы отдала за шанс проучить этого мерзавца!

– Ты? – В голосе матери прозвучало сомнение. – Милая моя, тебе следует изменить свое отношение к графу, если ты хочешь привлечь к себе его внимание, а сейчас ты ему

совсем не пара. Таких мужчин, как Уик, привлекают иные женщины.

– Но я подхожу больше, чем Джулия. Ты же мне сама об этом сказала. Уик закусил ею, а теперь желает получить блюдо посытнее и хочет жениться. В Лондоне сейчас все матери ломают головы над тем, как бы зацепить взгляд графских подхалимов. И по-твоему, мне следует быть среди соискательниц.

– Да, я действительно так говорила, – ответила ее мать.

– А как же бедная Джулия? – спросила Дженис. И что он «делал» с ней такого, о чем она поклялась никому не рассказывать? – Ведь если все зайдет достаточно далеко, граф по-настоящему женится на одной из претенденток. И она знает об этом…

– Годовой доход в 50 тысяч фунтов может помочь забыть многое, – возразила мать Дженис. – А женщины ко всему привыкают. Джулия смирится со своей потерей.

– Но я не смирюсь! Она должна быть отомщена. Но что она скажет, если из всех претенденток выберут меня? Мало того что я собираюсь принять участие в этой охоте за деньгами графа, у меня есть шанс получить и сам трофей.

– Она все правильно поймет, – заверила ее мать. – Джулия сама недавно сказала за чаем, что хочет отомстить Уику.

– Все равно ее решимость не смягчит удара, – с отчаянием заметила Дженис. – Ноя не могу спокойно наблюдать за этим цирком, зная, что какая-нибудь недалекая, но хитрая девица

быстро родит Уику наследника и, получив за это кучу денег, благополучно оставит его в покое. Нет, его следует наказать, он должен страдать за свою подлость. Кто-то просто обязан преподнести этому чудовищу урок, мама. Ведь только ради мести я согласилась участвовать в этом фарсе. Я не могу видеть, как страдает бедная Джулия.

– Но его невестой может оказаться другая, – резонно заметила мать девушки. – И не надо обманывать себя. Как ты собираешься мстить, если даже не представляешь, что он может потребовать от будущей жены?

Нет, так далеко Дженис не загадывала. Конкретного плана у нее не было, а о том, что искушенный граф мог потребовать от предполагаемой супруги, она имела смутное представление. Однако одно Дженис знала наверняка: она пойдет на все, лишь бы проучить этого мерзавца и спасти еще одну невинную и ни о чем не подозревающую душу.

– Итак, дорогая, договорились: на первых порах, когда придется общаться с приближенными графа, ты будешь скрывать свои истинные чувства. А позже твоя ненависть вполне может сыграть нам на руку.

Дженис не очень понимала, о чем толковала мать, но одно стало очевидным: Джулия должна быть в курсе всех предстоящих событий.

– Я превращусь в ее ангела мести, – подвела итог Дженис.

– В его постели?

– Я успею проучить Уика намного раньше.

– Милая моя девочка, ты же знаешь, что я всегда готова поддержать любую девушку, желающую при помощи своих женских чар завоевать богатого и знатного мужчину – такого, как Уик, например. Но романтическое желание отомстить тебя совсем не красит. У тебя складывается неправильное отношение к графу. Забудь про все свои глупости и веди себя так, словно единственное, о чем ты мечтаешь, – это выйти за него замуж. И тогда все пойдет как по маслу.

Дженис фыркнула в ответ.

– Хорошо. Какие бы цели я ни преследовала в охоте за графом, одно знаю точно: мне необходимо одобрение Джулии. Хоть это и причинит ей боль, но я должна с ней поговорить.

Однако как сказать Джулии о том, что во имя мести она собиралась соблазнить графа?

В теории ее план выглядел вполне осуществимым. Но когда дело касалось конкретных шагов, все оказывалось намного сложнее.

Может, вся эта затея с местью – просто плод ее разгоряченного воображения? Еще ни одна женщина не могла серьезно увлечь Уика. Он играл их чувствами, влюблял в себя, а затем уходил, даже не оглядываясь. И кто мог сказать, что за цели он преследовал на этот раз? Хотел ли Уик найти себе жену, родить ребенка и наконец изменить к себе отношение в обществе, превратившись в солидного и уважаемого человека? Или же это была одна из его очередных грязных игр –

совращение девственницы и приобретение наследника?

Только за одну эту низость граф обязан был понести наказание. Однако Дженис сомневалась, что во всем Лондоне, да и вообще в Англии, найдется хоть одна девушка или женщина, способная пойти против могущественного графа и преподать ему урок.

Лишь она одна…

Но какие у нее шансы? Даже учитывая поддержку ее матери, уверенной в том, что Дженис подходит графу по всем статьям.

И все же эта мысль так прочно засела у нее в голове, что она не собиралась отступать. Постоянные слухи, пронизанные похотью и жаждой денег, то и дело возникали в разговорах друзей по любому поводу. Это выводило Дженис из себя. Каждая мать, у дочери которой был хоть малейший шанс принять участие в ярмарке невест, надеялась, что именно она окажется той единственной.

И даже ее родная мать не стала исключением.

– Вот такие на сегодня новости, – подвела итог свежим слухам Дженис, когда они вместе с матерью вернулись из библиотеки в надежде, что несколько новых романов отвлекут Джулию от мрачных мыслей. Сама же Джулия, как всегда, сидела в своей любимой голубой комнате, грустила и ждала очередных известий.

Дженис продолжила разговор, обдумывая каждое слово.

– Бесчинства графа нельзя оставить безнаказанными! Его

необходимо остановить. Кто-то должен это сделать во имя всех тех невинных девушек, чьи сердца он так безжалостно разбил.

– О, как бы я хотела… – с грустью произнесла Джулия, нервно теребя корешки новых книг, лежащих у нее на коленях. Затем, посмотрев на мать, которая вошла в комнату с подносом в руках, продолжила с большой решимостью: – Да, у меня перед глазами так и стоит эта картина: смелая амазонка, готовая лишить графа его достоинства, и он, валяющийся у нее в ногах и молящий о пощаде…

– Именно, – поддакнула сестре Дженис. – Отважная, бесстрашная амазонка…

– И кто же будет той дурочкой, которая оттолкнет от себя мужчину с годовым доходом в 50 тысяч фунтов и сделает его своим врагом? – спросила мать.

– Джулия согласна: что-то должно быть сделано в отношении графа, – с вызовом ответила ей Дженис.

– Неужели? – проворчала мать, разливая по чашкам чай. – Джулия, как тебе понравились книги, которые мы взяли в библиотеке?

– Мне особенно пришлись по душе истории про месть. – Голос девушки заметно окреп.

– В следующий раз я это учту. Дженис, чаю? Дженис взяла чашку и сделала маленький глоток. Она и не подозревала, что Джулия так сильно захочет отомстить графу.

– А что, если мы попытаемся каким-нибудь образом осу-

ществить твою мечту? – осторожно поинтересовалась она у младшей сестры.

– Дженис… – с предостережением произнесла мать. В ее голосе, казалось, звучало: «Не сейчас и не здесь. Не говори ей, не причиняй боли…»

Взгляд Джулии метнулся от матери к сестре. Она испытующе посмотрела на Дженис.

– Ты? А ты бы смогла?..

– Я хочу сделать хоть что-нибудь. Я чувствую, что просто обязана что-то предпринять. Но я не могу игнорировать твои чувства… несмотря на то что, может быть, это первый и единственный шанс поставить Уика на колени. Ведь никто из претенденток никогда не пойдет на такой риск, только я одна… Но скорее всего ничего не получится. Ведь все мы знаем, что за этим последует…

Внутри Джулии шла явная борьба… граф и то, что он с ней проделывал…

– Я даже подумать боюсь…

– Хватит. Не продолжай… – тут же прервала ее Дженис. Вся решимость Джулии, ее жажда мести выражались всего лишь в словах.

– Но мама считает, что ты смогла бы это сделать…

– Нет, даже не думай… Вдруг «конкурс невест» выиграю я? Что будет тогда с тобой?

– Столько денег… – прошептала Джулия. – Они все могли быть моими…

– Ш-ш-ш… больше никаких разговоров на эту тему.

– Подожди… – Джулия протестующе подняла руку. – Я согласна, пусть он примет наказание от тебя…

– Нет, Джулия. Не говори так. Ты сейчас не в себе.

– Да нет же. Мой ум ясен, как никогда. Сделай это. Я настаиваю. Мама права. Пусть он искупит свою вину, женившись на тебе. Ты ему больше подходишь – у тебя сильный характер и храброе сердце. Из всех претенденток, включая меня, ты самая лучшая кандидатура. Покажи им всем, Дженис. Этим сплетникам и интриганам… Покажи ему… – Джулия с силой сжала руку сестры. – Покажи мне… А главное… Заставь Уика заплатить за все…

Дженис была сильно взволнована.

– Я так поздно начала. Все девушки уже две недели как в игре. А приспешники графа еще даже не взглянули на меня. Мне совершенно нечего надеть. У нас ничего не получится!

– Из любого положения можно найти выход, – невозмутимо ответила мать.

Вскоре они с Дженис подходили к двери самого модного портного на Бонд-стрит.

– Безусловно, без хитрости нам не обойтись, но когда работают три головы, ты, вне всякого сомнения, привлечешь внимание графа. И это будет только начало.

– А я думаю, что это уже конец.

– Давай не будем пессимистками. Пойдем… у нас еще много дел.

Вторая половина дня прошла бурно: бесконечные примерки, дорогие платья, дюжинами меняющиеся на Дженис, и сотни уколов булавками были призваны создать умопомрачительный гардероб, подчеркивающий ее девичьи достоинства.

– Можешь быть уверена, граф – настоящий эксперт в женской моде, – заявила мать со свойственной ей практичностью. – И поэтому к вечерним платьям нам понадобится особый подход. Следует забыть о скромности. Конечно, в рамках хорошего вкуса. – Она быстро взглянула на старшую дочь. – Чтобы привлечь его внимание. Ты, надеюсь, понимаешь, о каком внимании я говорю…

Мать Дженис подошла к делу со всей серьезностью. Она считала, что ее старшая дочь может составить серьезную конкуренцию другим претенденткам, которых друзья графа отбраковывали одну за другой по своим, только им известным причинам.

– В конце концов, не все девицы, мнящие себя истинными леди, обладают достаточно знатным происхождением и необходимыми качествами, чтобы подойти на роль жены Уика, – продолжила мать Дженис. – Богатая глупышка уже через неделю наскучит ему до смерти. Самоуверенная красавица будет требовать к себе постоянного внимания. А это не приведет ни к чему хорошему. Наивная и невинная девочка, такая, как Джулия, только разочарует. И я совершенно не виню Уика за то, что произошло у него с твоей сестрой.

Он ждал от нее слишком многого. И не смотри на меня так. Джулия наивна и чиста, как ребенок. Она постоянно витает в облаках и мечтает о возвышенных чувствах. А графу нужна девушка, которая бы сочетала в себе красоту, хорошее воспитание, практичность и ум, то есть все те качества, которые в избытке есть у тебя. И если ты умело воспользуешься ими и забудешь о своей глупой мести, то, будь уверена, Уик сразу обратит на тебя внимание, а главное, сделает предложение.

– И я получу его деньги, – парировала Дженис. Она не собиралась обманываться насчет графа. Это было бы по крайней мере наивно. От того, что Уик официально искал себе жену, его образ не становился хоть сколько-нибудь положительнее, учитывая скандальную репутацию графа и его сластолюбие. Однако Дженис ничего не слышала о том, что тестирование претенденток включало в себя постель.

О Господи, она даже не думала об этом. А что, если это было правдой? Сможет ли она пойти на такое, даже ради мести?

Неужели за деньги люди готовы вынести любое унижение?

Но благодаря деньгам отца она стала обладательницей самых роскошных и элегантных бальных платьев, подумала Дженис на следующий вечер, красуясь перед зеркалом в наряде из бледно-желтого шелка. Глубокое декольте квадратной формы и узкий лиф придавали пышность ее груди, едва прикрытой изящными рюшами.

К платью прилагались туфли в тон и изящная лента, укра-

шавшая ее длинные волосы. В этой одежде Дженис выглядела невинно и в то же время вызывающе – именно такого эффекта и добивалась ее мать.

Непривычный образ немного смущал Дженис, ибо крой нового туалета оказался весьма фривольным. При определенном освещении очертания ее тела просматривались в мельчайших деталях. А если Дженис наклонялась вперед, ее грудь, с трудом сдерживаемая корсетом, была готова выпрыгнуть из глубокого декольте. Подол платья решили укоротить настолько, насколько позволяли правила приличия, и даже чуть больше. В результате при ходьбе Дженис «невзначай» демонстрировала изящные лодыжки. А завершала образ высокая прическа, обнажающая нежную девичью шейку.

Именно такой вид мог привлечь внимание мужчин, подобных Уику: приятные женские формы, искусно подчеркнутая грудь, выглядывающие из-под подола платья щиколотки с перекрещивающимися атласными лентами и максимально обнаженные те части тела, которые позволялось демонстрировать в обществе – руки, шея и уши.

Подобным премудростям обычно не учат в школе. Женщины, как правило, узнают их на собственном опыте, и лишь немногим счастливицам удается овладеть этими приемами в совершенстве. Обычно они хранят свои знания в тайне и не допускают новичков в круг посвященных, обрекая неопытных девушек на постоянные ошибки и неудачу.

Подобные знания таили в себе власть. Дженис поняла

это, когда, переступив порог бального зала в Кавендиш-Хаус, располагавшемся на Риджент-стрит, столкнулась с сотней враждебных глаз других претенденток.

Они не желали видеть рядом с собой еще одну соперницу. Это была их законная территория, где они дневали и ночевали в надежде на то, что Эллингем обратит на них внимание.

И это был второй урок, который Дженис пришлось усвоить в тот же вечер: непрошеные гости вроде нее должны быть готовы к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Глава 3

– Что это за симпатичная пташка? – промурлыкал Эллингем, поднося к глазам лорнет, когда спустя два часа на балу в Кавендиш-Хаус он прокладывал себе путь среди многочисленных гостей. – Посмотри, Макс, сколько людей и какое обилие юных сирен, жаждущих попасться на глаза Уику. Какая прелесть! У меня просто нет слов… Жалко, что сам он этого не видит. Хотя раболепие присутствующих, которое так тешит наше самолюбие, скорее всего заставило бы Уика зевать от скуки.

Эллингем и Макс наконец пробрались в самый центр толпы. Их окружали музыка и стайки очаровательных девушек, старающихся изо всех сил скрыть переполнявшее их желание выиграть конкурс невест, а те из них, кого природа обделила красотой, притворялись, что им все равно. И тут Эллингем увидел ее – словно яркий лучик солнца, сияющий в мягком свете канделябров. Обнаженная нежная шея. Волнующие изгибы чуть прикрытой груди. Облегающее платье. Элегантность и простота. А главное, внутренний свет, так выгодно выделявший ее среди остальных гостей.

К тому же девушка была явно неглупа – на Эллингема смотрели ее светящиеся умом глаза. А уж тело и стильное, смелое платье заслуживали высшей похвалы. Образ девушки был, несомненно, тщательно продуман. Не слишком вызыва-

ющий, но и весьма далекий от скромного. Прелестница выглядела элегантно и в то же время дерзко благодаря нескольким откровенным деталям туалета, которыми девушка умело пользовалась. Пышная грудь, с трудом сдерживаемая корсетом, могла оставить равнодушным только слепого, а нежная шейка, которую не скрывали тяжелые украшения, так и притягивала взгляды мужчин, заставляя их сердца биться быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.